

С. М. Аксаковъ.

№ А-41
Сен. у. А 41

150р.

891.7
А-41

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

~~Искл. 2514~~
Искл. 2514

PROVERENO
1936
PROVERENO
1936

752

ОРЕНБУРГСКАЯ
Центральн. Научн.
Чувств. и
Губполит. газета.

МОСКВА.

Издание I. КНЕБЕЛЬ.

С. Т. А К С А К О В

A-41

С Е М Е Й Н А Я

+0p82(9)

Х Р О Н И К А

Художник

Елена Трофимова

Москва

«Художественная литература»

1991

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Кружкова

С. Т. Аксаковъ.

(Къ пятидесятилѣтію со дня кончины.)

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ скончался въ Москвѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, бытописатель прежней жизни, чуткій и вдумчивый знатокъ нашей природы Сергѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ.

Это имя, знакомое каждому со школьной скамьи, будить въ насъ дорогія воспоминанія юности. Въ самомъ дѣлѣ, кого не увлекали, въ свое время, чудные, полные эпической простоты рассказы «Семейной хроники», красивое дѣтство Багрова-внука, описанія природы и охотничьихъ походовъ на берегахъ свѣтловоднаго Бугуруслана? Кого не трогали живыя, полныя прелести страницы «Записокъ объ уженіи рыбы»?

Если въ «Запискахъ ружейнаго охотника» царство птицъ со все́мъ разнообразіемъ наружнаго ихъ вида, привычекъ, особенностей; лѣса, степи, озера, болота, ими обитаемая, весь этотъ малоизвѣстный поэтической міръ, по выраженію критика, *жилъ* подъ перомъ Аксакова, то въ «Запискахъ объ уженіи рыбы», въ его описаніяхъ, проникнутыхъ живымъ искреннимъ чувствомъ, оживаетъ, одухотворяется природа нашихъ рѣкъ и рѣчушекъ съ молчаливымъ населеніемъ ихъ прозрачной глубины, во всей элегической своей красотѣ встаютъ тихіе лѣтніе вечера и утра, зовутъ и манятъ къ

себѣ и заставляють горячо любить нашу грустную, задумчивую сѣверную природу.

Необычайная чистота всѣхъ произведеній С. Т. Аксакова, духовная красота и жизненная правдивость выводимыхъ имъ образовъ давно сдѣлали его книги необходимой принадлежностью русской школы, и не одно поколѣніе уже воспиталось на его произведеніяхъ. Да, плодотворна была жизнь этого чисто русскаго человѣка...

Посмотримъ же, какъ сложилась и проходила она до рокового конца своего 30-го апрѣля 1859 г.

Сергѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ родился въ Уфѣ 20 сентября 1791 г., въ старинной небогатой полупомѣщичьей, получиновничьей семьѣ и раннее дѣтство провелъ на далекихъ окраинахъ нынѣшнихъ Уфимской и Оренбургской губерній, тогдашняго уфимскаго намѣстничества. Интересную, полную живыхъ чертъ характеристику своихъ родителей дѣлаеть самъ писатель въ *«Семейной хроникѣ»* и *«Дѣтскихъ годахъ»*, рассказывая исторію женитьбы своего отца, — мелкаго уфимскаго чиновника, «тихаго, скромнаго, застѣнчиваго, ко всѣмъ ласковаго», — на блестящей аристократкѣ, свѣтской красавицѣ, единственной дочери товарища намѣстника Уфимскаго края. «Никто въ городѣ не могъ подумать, рассказываетъ С. Т. Аксаковъ, чтобы Софья Николаевна (такъ онъ называетъ въ *«Хроникѣ»* свою мать, вмѣсто настоящаго ея имени — Марья Николаевна) вышла замужъ за Алексѣя Степаныча (то-есть, Тимоѣя Степановича)». Невѣста была красивая, бойкая и живая дѣвушка, по-тогдашнему весьма образованная, «начитанная, чуть не ученая, понимавшая всѣ высшіе интересы»; она была «остроумна, ловка, блистательна въ свѣтскомъ обществѣ, — съ твердымъ, надменнымъ, неуступчивымъ характеромъ».

Совсѣмъ другимъ человѣкомъ былъ женихъ этой дѣвушки, будущій ея мужъ и отецъ писателя. По характеристикѣ сына, онъ «не могъ даже вполнѣ понимать и цѣнить ее». Это былъ «бѣлый, розовый», по мнѣнію всѣхъ, «простенькій деревенскій дворянчикъ, смиренный и застѣнчивый, какъ красная дѣвица, совершенно неразвитой, никогда ничего не читавшій, кромѣ двухъ, трехъ глупѣйшихъ романовъ, въ родѣ «Любовнаго Вертограда» (*«Любовный Вертоградъ или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены»*). Перевелъ съ португальскаго Федоръ Эминъ. С.-ПБ. 1763 г.), или «Аристея и Телазіи» (*«Похожденіе Аристея и Телазіи»*. Перев. съ французскаго. С.-ПБ. 1764 г.), да «Русскаго Пѣсенника». Всѣ его интересы не простирались дальше ловли перепелокъ на дудки да соколиной охоты. Всѣмъ онъ казался какимъ-то «забытымъ», «недальнимъ»; по совершенному незнанію свѣтскаго обращенія, по неловкости и робости, онъ могъ, по отзыву самой невѣсты, съ перваго раза произвести даже впечатлѣніе «дурачка». Товарищъ намѣстника, Зубовъ, его начальникъ и будущій тесть, имѣлъ о немъ понятіе, «какъ о человѣкѣ самомъ ничтожномъ». Единственными достоинствами этого молодого человѣка были чистое, неиспорченное сердце, цѣльность, непосредственность натуры, выросшей на широкомъ лонѣ природы, въ непосредственной близости къ этой природѣ, беззавѣтная любовь къ выбранной имъ дѣвушкѣ и его нѣкоторое состояніе, казавшееся для блестящей, но не имѣвшей у себя ничего, его невѣсты все же значительнымъ. Мать будущаго писателя выходила замужъ «по расчету»: при всемъ своемъ общественномъ положеніи и образованіи, невѣста имѣла «пребольшой порокъ», по выраженію одного изъ лицъ семейной хроники: «она была бѣдна, у нея ровно ничего не было»; въ случаѣ смерти старика-отца, на ея рукахъ оста-

валось пять человѣкъ дѣтей-сиротъ. Впереди у нея была нужда и бѣдность. Къ тому же ее подкупала безотвѣтная любовь къ ней ея жениха, льстившая ея самовластному характеру и образовавшейся уже привычкѣ къ преобладанію.

Таковы были отецъ и мать. Рядомъ съ ними, могущественнѣйшимъ факторомъ въ духовномъ развитіи ребенка уже съ самаго ранняго дѣтства является сельская, деревенская природа. На ея лонѣ протекла большая часть первыхъ семи лѣтъ жизни будущаго писателя. Живая, неподкрашенная природа охватываетъ ребенка своими силами и впечатлѣніями съ самыхъ первыхъ моментовъ его жизни. Можно сказать, — эта природа даже какъ бы вызываетъ его къ самой жизни: слабый, хилый отъ рожденія ребенокъ, долго страдавшій какою-то странною болѣзнію, чувствуетъ себя лучше и покойнѣе только среди полей и лѣсовъ, во время дороги, въ безпрестанныхъ поѣздкахъ съ родителями изъ города въ деревню и обратно.

Но не одними силами и явленіями своими привязывала къ себѣ ребенка природа: она не отгѣсняла собой передъ нимъ и живыхъ людей. Мальчикъ очень рано познакомился съ крестьянскимъ бытомъ, его радостями и трудами. Еще въ первую поѣздку въ Багрово, Аксакова-ребенка поразилъ невиданный имъ дотолѣ нарядъ чувашскихъ женщинъ, которыя ходятъ «въ бѣлыхъ рубашкахъ, вышитыхъ красною шерстью, носятъ какіе-то черные хвосты, а голова ихъ и грудь увѣшаны серебряными, и крупными и самыми мелкими, деньгами; все это звенить и брякаетъ на нихъ при каждомъ движеніи», его изумляетъ огромная чувашская изба, закопченная дымомъ и покрытая лоснящеюся сажей съ потолка до самыхъ лавокъ, широкія, устланныя поперекъ досками, лавки, печь безъ трубы, горящая лучина, вмѣсто свѣчи, ущемленная въ такъ называемый свѣтецъ».

Съ крестьянскимъ міромъ сблизилъ будущаго писателя также его отецъ. Онъ объяснялъ ему значеніе различныхъ предметовъ крестьянскаго обихода, дѣлился съ нимъ своими радостями и опасеніями насчетъ предстоящаго урожая, нерѣдко бралъ сына съ собой въ поле, гдѣ шестилѣтній ребенокъ впервые видѣлъ передъ собой тяжелыя крестьянскія работы.

Интересы и возрѣнія крестьянскаго міра въ значительной степени поддерживались и ближайшимъ лицомъ къ ребенку — дядькой Евсеичемъ. Это одно изъ самыхъ симпатичныхъ лицъ, выведенныхъ въ «Хроникѣ». Оберегая ребенка отъ всего дурного и безнравственнаго, Евсеичъ покровительствовалъ ему въ его здоровыхъ увлеченіяхъ, вмѣстѣ съ нимъ жилъ одною жизнью съ природой и образнымъ своимъ языкомъ знакомилъ своего питомца съ живою народною рѣчью. Языкъ будущаго писателя уже здѣсь, въ бесѣдахъ съ Евсеичемъ, обогащался обширнымъ запасомъ тѣхъ живыхъ, чисто народныхъ словъ и оборотовъ, знаніе которыхъ и умѣніе пользоваться которыми составили впоследствии одну изъ его важнѣйшихъ особенностей.

Въ началѣ января 1799 г. семилѣтній Аксаковъ въ первый разъ случайно пріѣхалъ съ родителями въ Казань и у его отца тогда же явилась мысль помѣстить сына въ мѣстную гимназію. Въ декабрѣ того же 1799 года Аксаковы вторично пріѣхали въ Казань, и маленькій С. Т. Аксаковъ былъ опредѣленъ въ гимназію, казеннымъ пансіонеромъ.

Однако, мальчикъ недолго пробылъ въ неволѣ: попавъ съ широкаго раздолья оренбургскихъ степей и луговъ въ тѣсное казенное заведеніе, онъ не вынесъ непривычной жизни и быстро сталъ чахнуть, — съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ падучей, такъ что его должны были вскорѣ взять обратно. Нуженъ былъ цѣлый годъ подготовитель-

ной жизни въ деревнѣ, чтобы ребенокъ наконецъ привыкъ къ мысли, что отъ гимназіи ему не уйти. Въ августѣ 1801 года его вторично, и на этотъ разъ окончательно, отдали въ гимназію. Но теперь онъ былъ помѣщенъ приходящимъ, и жилъ на частной квартирѣ.

Составъ преподавателей Казанской гимназіи съ самаго начала былъ весьма удовлетворительный, — историкъ гимназіи называетъ его даже «отличнымъ»: воспитанники имѣли полную возможность получить хорошую подготовку для разныхъ служебныхъ обязанностей «гражданской жизни», какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ. Большинство преподавателей были воспитанниками Московскаго университета, и, по отзыву одного изъ самыхъ раннихъ питомцевъ гимназіи, «были люди просвѣщенные и трудолюбивые, знавшіе свое дѣло». Наболѣе выдавался въ ряду преподавателей гимназіи Карташевскій, читавшій математику, — человекъ ученый, принадлежавшій, по отзыву его питомца, Аксакова, «къ небольшому числу тѣхъ людей, нравственная высота которыхъ встрѣчается очень рѣдко и вся жизнь которыхъ есть строгое проявленіе этой высоты».

Гимназическое ученіе Аксакова продолжалось всего только три съ половиной года (съ августа 1801 г. по февраль 1805 г.); но и этотъ короткий періодъ времени имѣлъ весьма важное значеніе въ его общемъ образованіи и развитіи. Препрежней тоски по дому мальчикъ теперь уже не чувствовалъ; онъ быстро сошелся съ товарищами, «завелъ себѣ нѣсколько пріятелей въ гимназіи и полюбилъ ее». Нашлись общіе интересы, родилось желаніе сообщества другъ съ другомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Аксаковъ мало говоритъ о гимназическихъ урокахъ; только объ урокахъ по русской словесности онъ вспоминаетъ подробнѣе. Онъ отзывается съ восторгомъ о преподавателѣ этого пред-

мета въ гимназіи, Ибрагимовѣ. «Этотъ человекъ, замѣчаетъ онъ, имѣлъ большое значеніе въ моемъ литературномъ направленіи, и память его драгоценна для меня. Онъ первый ободрилъ меня и, такъ сказать, толкнулъ на настоящую дорогу».

Скоро, сверхъ классныхъ уроковъ, у девятилѣтняго Аксакова начались особыя домашнія занятія, по личному плану и подъ непосредственнымъ руководствомъ его воспитателя, Г. И. Карташевскаго, у котораго онъ и жилъ. Планъ, составленный для этихъ занятій Карташевскимъ, былъ планъ «общаго легкаго, преимущественно литературнаго образованія». Объясненія, которыя давалъ при чтеніяхъ своему воспитаннику руководитель, въ значительной степени расширяли умственный горизонтъ ребенка, способствовали большому осмысленію и пониманію читаемаго, вообще, могли сильно дѣйствовать на его умственное и эстетическое развитіе.

Но ни классные уроки, ни домашнія литературныя занятія не заглушали въ мальчикѣ его врожденной любви къ природѣ, его страстныхъ порывовъ къ ней. Когда, послѣ годичнаго пребыванія въ гимназіи, ребенокъ отправился на вакаціи домой, въ деревню, едва сѣлъ онъ въ дорожную кибитку и выѣхалъ въ поле, — дыханіе природы «охватываетъ все его существо», и изъ его головы «ментально вылетаютъ и гимназія, и товарищи, и учителя, и книги, и уроки»... «Послѣ временнаго, — замѣчаетъ онъ, — какъ-будто забытія или охлажденія, еще горячѣе и уже еще сознательнѣе полюбилъ я красоты Божьяго міра»... «Однажды, — вспоминаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — когда Григорій Иванычъ (Карташевскій) читалъ со мною серьезную книгу на французскомъ языкѣ и, сидя у раствореннаго окна, старался объяснить мнѣ какую-то мысль, неясно мною понимаемую, вдругъ куликъ-красноножка зазвенѣлъ своими мелодиче-

скими трелями, загнувъ кверху свои крылья и вытянувъ длинныя, красныя ноги, плавно опустился на берегъ пруда противъ самаго окошка, — я вздрогнулъ, книга выпала у меня изъ рукъ, и я бросился къ окну. Наставникъ мой былъ изумленъ. Я, задыхаясь, повторялъ: «Куликъ, куликъ-красноножка, сѣлъ на берегъ близехонько, вонъ онъ ходитъ»... Но Григорій Ивановичъ не понималъ чувства охотника и сурово приказалъ мнѣ сѣсть и продолжать. Я повиновался, и хотя не смотрѣлъ на кулика, но слышалъ его голосъ; кровь бросилась мнѣ въ лицо, и я не понималъ ни одного слова въ моей книгѣ».

Въ гимназіи въ мальчикѣ возникла новая страсть, зачатки которой были положены уже раньше и которой съ этого времени онъ остался вѣренъ потомъ всю жизнь, — страсть къ театру. Случайно попавши въ театръ, онъ «грезилъ видѣнными пьесами день и ночь», сталъ столь разсѣяннымъ, что «не могъ совершенно заниматься ученьемъ»...

Страсть эта росла въ немъ съ каждымъ днемъ. Онъ выучилъ наизусть всѣ видѣнныя имъ на сценѣ пьесы и тихонько отъ воспитателя разыгрывалъ самъ передъ собой, совершенно одинъ, всѣ роли этихъ пьесъ, запираясь съ этою цѣлью въ своей комнатѣ или уходя въ пустыя антресоли... Это было общимъ увлеченіемъ гимназистовъ, которому покровительствовалъ и ихъ учитель, Ибрагимовъ, нерѣдко, въ виду спектакля, даже нарочно нѣсколько раньше прекращавшій свои уроки (спектакли тогда начинались въ 6¹/₂ часовъ, а классы оканчивались только въ 6).

Гимназія, общество товарищей вообще сильно развили даровитаго мальчика, вызвали и создали въ немъ новые интересы и вкусы. Товарищеская атмосфера, чтеніе подъ руководствомъ образованнаго воспитателя, писателей русскихъ и иностранныхъ, постоянное непосредственное общеніе съ

серьезнымъ руководителемъ, — все это рѣшительно и быстро развило богатую натуру ребенка, и вообще подѣйствовало на него чрезвычайно благотворно въ смыслѣ общаго его умственнаго развитія. Рядомъ со страстью къ театру явились стремленія литературныя и первыя попытки авторства. Аксаковъ сблизился, а потомъ и подружился съ однимъ изъ своихъ товарищей, Александромъ Панаевымъ, «страстнымъ любителемъ театра и русской словесности», уже на гимназической скамьѣ издававшимъ рукописный журналъ, и, по примѣру товарища, самъ началъ «тихонько пописывать», храня, впрочемъ, эту тайну даже отъ своего друга. Черезъ годъ талантъ однако не скрывается болѣе и въ 1806 г., въ университетѣ, Аксаковъ вмѣстѣ съ тѣмъ же Панаевымъ уже предпринялъ изданіе новаго рукописнаго журнала, «болѣе серьезнаго», сравнительно съ гимназическимъ.

5-го ноября 1804 г. послѣдовало утвержденіе устава Казанскаго университета, а съ осени 1805 во вновь учрежденномъ университетѣ начались лекціи. Аксаковъ, вмѣстѣ съ другими воспитанниками старшаго класса, былъ зачисленъ студентомъ. Но недолго онъ оставался въ университетѣ.

Уже въ январѣ 1807 г. будущій писатель подалъ просьбу объ увольненіи его изъ университета; его бывшій воспитатель, Карташевскій, не задолго передъ этимъ оставившій профессуру и перешедшій изъ Казани на службу въ Петербургъ, убѣдилъ родителей Аксакова, что молодому человѣку вмѣсто казанскихъ наукъ будетъ гораздо полезнѣе поступить на службу. Тотчасъ же за подачей прошенія Аксаковъ пересталъ ходить на лекціи, — и университетская жизнь для него кончилась. Такимъ образомъ, Сергѣй Тимоѣевичъ пробылъ въ университетѣ всего около полутора года. Когда онъ былъ «произведенъ» въ студенты, ему шелъ лишь четырнадцатый годъ; оставилъ онъ университетъ на 16-мъ году.

Въ концѣ 1807 г. Аксаковъ переѣхалъ съ семействомъ въ Москву. Онъ болѣе всего занимался тогда театромъ, на которомъ отличался Плавильщиковъ. Весною 1808 г. семейство Аксаковыхъ приѣхало въ Петербургъ и, уѣзжая оттуда черезъ два мѣсяца, оставило его уже на службѣ переводчикомъ комиссіи составленія законовъ. Съ этого времени онъ завязалъ цѣлый рядъ знакомствъ въ литературномъ мірѣ, сблизился съ нѣкоторыми тогдашними дѣятелями театра, какъ, напр., съ Шуперинымъ, который сильно привязался къ С. Т. Аксакову и почти ежедневно бесѣдовалъ съ нимъ. Пользуясь совѣтами его, Аксаковъ болѣе и болѣе совершенствовалъ свою игру на домашнихъ сценахъ у Шишковыхъ и др. У Шуперина узналъ онъ актеровъ: старика Шумскаго и Яковлева и драматическихъ писателей: Ильина, Гнѣдича, Языкова и др.

Въ 1816 г. Аксаковъ женился на Ольгѣ Семеновнѣ Заплатиной и потомъ прожилъ въ деревнѣ до августа 1820 г. Приѣхавъ въ это время въ Москву, Аксаковъ еще ближе, чѣмъ ранѣе, сошелся съ литературнымъ и театральнымъ міромъ. Онъ напечаталъ переводъ 10-й сатиры Буало (1821 г.) и былъ выбранъ въ члены московскаго общества любителей россійской словесности. Къ этому же времени относятся его лучшіе сценическіе успѣхи на домашнихъ театрахъ Кокошкина и князя И. М. Долгорукова. Кромѣ того, Аксаковъ помѣщалъ стихи и разныя статейки въ «Вѣстникѣ Европы». Въ августѣ 1821 г. онъ опять уѣхалъ въ Оренбургскую губернію и возвратился въ Москву не ранѣе сентября 1826 г. Занимаясь въ деревнѣ хозяйствомъ и охотою, Аксаковъ не забывалъ литературы: переводилъ Буало и французскихъ трагиковъ и велъ переписку съ молодымъ поэтомъ Писаревымъ, съ которымъ близко сошелся еще въ Москвѣ. Въ 1826 г. Аксаковъ нашелъ въ

Москвѣ многихъ друзей своихъ. Кокошкинъ былъ директоромъ театра, при которомъ служили также Загоскинъ, Писаревъ, А. Н. Верстовскій. Этотъ кружокъ, къ которому принадлежали также М. А. Дмитріевъ и кн. Шаховской, переселившійся въ Москву, составлялъ общество Аксакова. Въ 1827 г. онъ былъ опредѣленъ въ цензора и занималъ эту должность до 1833 г. Въ теченіе этого времени онъ перевелъ «Скупого» и «Школу мужей», комедіи Мольера (переводъ не былъ напечатанъ, но пьесы играны на сценѣ), помѣщалъ разныя статьи, особенно о московскомъ театрѣ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина, «Атенеѣ» Павлова, «Галатеѣ» Раича, «Молвѣ» Надеждина, которою и завѣдывалъ въ теченіе 1832 г. и участвовалъ въ «Трудахъ общества любителей россійской словесности». Дружба его съ названными выше писателями, которые были во враждебныхъ отношеніяхъ къ «Московскому Телеграфу», поставили его въ непріязненныя столкновенія съ Полевымъ, неутомимымъ въ нападкахъ на Аксакова и его друзей. Въ 1834 г. Аксаковъ былъ назначенъ инспекторомъ межевого училища.

Незадолго передъ этимъ онъ познакомился съ Гоголемъ. Въ то время большинство нашихъ журналистовъ и вообще литераторовъ враждебно или, по крайней мѣрѣ, недовѣрчиво и безпокойно смотрѣло на этотъ новый талантъ, заговорившій языкомъ еще неслыханнымъ и образами, еще небывалыми въ нашей литературѣ. Аксаковъ, съ своимъ сочувствіемъ къ природѣ и тонкимъ эстетическимъ чувствомъ, принадлежалъ къ небольшому еще числу сторонниковъ Гоголя, восхищавшемуся его поэтическими произведеніями. Когда Гоголь выступилъ на новое поприще, воспроизводя и осмѣивая современные нравы, число его враговъ увеличилось, особенно при появленіи «Ревизора»; Аксаковъ оставался все время неизмѣннымъ его

сторонникомъ и почитателемъ. Съ этихъ поръ завязались дружескія отношенія Гоголя и Аксакова, котораго авторъ «Ревизора» горячо полюбилъ, такъ же какъ и все его семейство. Во время своихъ безчисленныхъ переѣздовъ въ Россіи и за-границей, Гоголь былъ въ постоянной перепискѣ съ Аксаковымъ, и письма его исполнены самыхъ дружескихъ изліяній и нѣжной заботливости о далекомъ другѣ и его семействѣ. Въ это время Аксаковъ сталъ испытывать свои силы въ новомъ для него родѣ. Онъ вздумалъ сосредоточить свою творческую дѣятельность на изображеніи картинъ природы степного края, который изучилъ близко, странствуя по его обширнымъ пространствамъ и охотясь съ ружьемъ или удочкой за безчисленнымъ населеніемъ его степей, лѣсовъ и водъ. Первый опытъ Аксакова въ этомъ родѣ «Буранъ» относится еще къ 1834 г. Но воспроизведеніе картинъ природы, создаваемыхъ не одною силою творчества, но и пережитыхъ, такъ-сказать, художникомъ, естественно влекло его къ воспоминанію тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали знакомство съ ними. Въ памяти автора возставала вся обстановка его дѣтства, юношества: люди, его окружавшіе съ ихъ нравами, характерами, преданіями, рассказами о быломъ и т. д. Природа, и безъ того оживленная чувствомъ поэта, вникавшаго съ такою любовью въ ея тайны и красоты, оживлялась еще болѣе присутствіемъ среди нея человѣка съ его дѣятельностью, страстями. Такимъ именно путемъ создавалась «Семейная хроника», отрывки которой Аксаковъ читалъ Гоголю, кажется, еще въ 1840 г. Но первый отрывокъ изъ нея появился въ печати только въ 1846 г. въ «Московскомъ Сборникѣ» безъ имени автора. Съ этого времени начинается настоящее литературное поприще Аксакова, которому тогда было уже 55 лѣтъ. Въ 1847 г. вышли «Записки объ уженіи рыбы» (2-е изд. 1854 г.,

3-е 1856 г.); въ 1852 г. — «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» (2-е изд. 1852 г., 3-е 1857 г.); въ 1855 г. — «Разказы и воспоминанія охотника» (2-е изд. 1856 г.); въ 1856 г. — «Семейная хроника» и «Воспоминанія» (2-е изд. въ томъ же году); въ 1858 г. — «Дѣтскіе годы Багрова-внука» и «Разныя сочиненія», гдѣ собраны были статьи, напечатанныя имъ въ «Русской Бесѣдѣ» и другихъ изданіяхъ. Особый успѣхъ имѣла въ публикѣ «Семейная хроника».

Послѣдніе годы своей жизни Аксаковъ провелъ въ Москвѣ и подмосковной деревнѣ Абрамцовѣ, за исключеніемъ поѣздки въ Оренбургскую губернію въ 1851 г. и нѣкоторыхъ разѣздовъ въ Петербургъ и пр. Домъ его былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ Москвѣ. «Нравственное вліяніе Аксакова, — говоритъ Лонгиновъ, — было ощутительно не въ одномъ его семействѣ. Примѣрный супругъ, отецъ, братъ, онъ былъ и образцомъ друга, къ которому смѣло шли за совѣтомъ и помощью его многочисленные друзья. Онъ умѣлъ съ перваго раза пріобрѣтать любовь и довѣріе всякаго и никому не отказывалъ въ своемъ содѣйствіи или участіи, а напротивъ, самъ вызывался на услуги. Это была душа чистая, исполненная христіанскихъ чувствъ, и, въ то же время, умъ свѣтлый, прямой, соединенный съ характеромъ откровеннымъ, возвышеннымъ, энергическимъ. Онъ сохранилъ до глубокой старости, среди тяжелыхъ недуговъ, участіе ко всему прекрасному и силу воли вмѣстѣ съ какою-то младенческою ясностью души».

Еще лѣтъ за двѣнадцать до кончины С. Т. Аксаковъ сталъ испытывать приступы нездоровья. Весною 1858 г. болѣзнь его приняла опасный характеръ и стала причинять ему сильныя страданія, но онъ переносилъ ихъ съ необычайною энергіею и терпѣніемъ. Послѣднее лѣто провелъ

онъ на дачѣ близъ Москвы и, несмотря на тяжелую болѣзнь, имѣлъ силу въ рѣдкія минуты облегченія наслаждаться природою и диктовать новыя свои произведенія, которыя ничѣмъ не напоминаютъ того, въ какія тяжелыя минуты они созданы. Сюда принадлежитъ «Собираніе бабочекъ», вышедшее въ свѣтъ уже послѣ его смерти въ «Братчинѣ», сборникъ въ пользу бѣдныхъ казанскихъ студентовъ, которымъ онъ особенно интересовался. Осенью 1858 г. Аксаковъ переѣхалъ въ городъ и всю слѣдующую зиму провелъ въ ужасныхъ страданіяхъ. Ни помощь лучшихъ врачей, ни заботы семьи не могли спасти его. Однако онъ продолжалъ еще иногда работать и написалъ статью «Зимнее утро», «Встрѣчу съ мартинистами», послѣднее изъ напечатанныхъ при жизни его сочиненій, появившееся въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г., и повѣсть «Наташа», которая напечатана въ томъ же журналѣ. Весной не оставалось уже надежды и онъ умеръ 30 апрѣля 1859 г.

Въ произведеніяхъ Аксакова, по справедливому заключенію всѣхъ его критиковъ, трудно провести грань между дѣйствительностью и фантазіей, вымысломъ. Вообще, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ комъ почти невозможно отличить писателя отъ человѣка; и какъ писатель и какъ человѣкъ, онъ былъ одинаково чтимъ и любимъ всѣми, хотя сколько-нибудь знавшими его. «Какъ ни превосходны его произведенія, — говоритъ Лонгиновъ, — но не будь авторомъ ихъ такой человѣкъ, едва ли бы достигъ этотъ авторъ того почета, который выражался ему въ литературѣ при всякомъ случаѣ. Во всякомъ литературномъ собраніи вспоминали о немъ о первомъ; всякое литературное предпріятіе дорожило его мнѣніемъ; всякій литераторъ считалъ долгомъ и удовольствіемъ быть у него, только что пріѣдетъ въ Москву; лучшіе писатели обращались къ нему, какъ къ безпри-

страстнѣйшему судьѣ. Благородство чувствъ и помысловъ, участіе ко всему благому и честному, неподкупная правдивость, сердечное радушіе, готовность ободрить всякій благородный трудъ, отчужденіе отъ всякой исключительности и духа партій, жизнь безупречная, всегда согласная въ поступкахъ со словами, безпредѣльная доброта, — вотъ что влекло къ нему, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ его авторскія дарованія, вотъ отчего съ нимъ бывало такъ легко, такъ привольно сердцу съ первой съ нимъ встрѣчи. Онъ былъ гордостью нашей литературы и по своимъ сочиненіямъ и по личному характеру; онъ былъ украшеніемъ русскаго общества, какъ одинъ изъ благороднѣйшихъ его представителей. Какъ христіанинъ, какъ гражданинъ, какъ семьянинъ, какъ человѣкъ — онъ можетъ служить образцомъ настоящаго русскаго человѣка въ лучшемъ и высокомъ его значеніи».

Около полутора года длилась послѣдняя болѣзнь Аксакова, переносившаго ее съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ. Когда осенью онъ переѣхалъ съ дачи во вновь нанятый для него домъ на Кисловкѣ, онъ спросилъ: «Какая у насъ приходская церковь?» Ему отвѣчали: «Бориса и Глѣба». «Въ этомъ домѣ я и умру», сказалъ онъ, «въ этомъ приходѣ отпѣвали Писарева, тутъ и меня будутъ отпѣвать». Предчувствіе не обмануло его.

«Въ воскресенье, 3-го мая 1859 г.», рассказываетъ очевидецъ, «церковь свв. Бориса и Глѣба наполнилась множествомъ народа; многочисленныя друзья покойнаго, почти всѣ здѣшніе литераторы и ученые, наконецъ, люди всѣхъ званій пришли проститься съ бездыханнымъ тѣломъ, которое оживлялъ бессмертный духъ, оставившій неизгладимыя и благотворныя слѣды посѣщенія своего въ здѣшнемъ мірѣ. Всѣ прощались съ чѣмъ-то роднымъ дорогимъ сердцу. Гробъ Аксакова на рукахъ былъ перенесенъ въ Симоновъ монастырь

и внесенъ въ ворота при пѣннн торжественной пѣсни: «Христось воскресе!» Весеннее солнце освѣщало едва зазеленѣвшія деревья и поля; въ воздухѣ чувствовалось первое дыханіе весны, оживляющей природу, съ обновленіемъ которой скрылся отъ насъ навѣки тотъ, кто такъ умѣлъ любить и понимать чудную красоту великаго Божьяго міра».

Какъ извѣстно, С. Т. Аксаковъ погребенъ на кладбищѣ Симонова монастыря, недалеко отъ восточной стѣны трапезы Никольской церкви.

